

А. Б. Пеньковский

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
СЕМАНТИКЕ

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 25

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16116

Пеньковский А. Б.

П 25 Очерки по русской семантике – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-166-7

В книге известного лингвиста и культуролога проф. А. Б. Пеньковского собраны его работы по русской семантике, представляющие несколько циклов устойчивых исследовательских интересов автора: среди них общекатегориальная семантика и семантика концептов, семантика наречий и семантика собственных имен, фонетическая семантика и семантика орфографии. Читатель встретит здесь не только работы, опубликованные ранее (при подготовке к переизданию они все были заново отредактированы и дополнены новым материалом), но и работы последних лет, еще не видевшие света.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся живой жизнью языка.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использован фрагмент картины В. Кандинского
«Черный аккомпанемент» (1926)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-166-7

© А. Б. Пеньковский, 2004

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2004

Памяти моих учителей —

Рубена Ивановича Аванесова,
Петра Саввича Кузнецова,
Александра Александровича Реформатского,
Владимира Николаевича Сидорова,
Абрама Борисовича Шапиро.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 9

Часть I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

О семантической категории «чуждости» в русском языке	13
Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках	50
<i>Радость</i> и <i>удовольствие</i> в представлении русского языка	61
Лексикографические пометы терминов субъективной оценки ...	73
Заметки о категории одушевленности в русских говорах	84
О лексико-синтаксической структуре блоков полного усиленного отрицания в современном русском языке	101
К изучению степеней качества в русском языке	121
К изучению степеней качества прилагательных, наречий и предикативов	132
Очерки по семантике русских наречий: <i>впервые</i>	155
Очерки по семантике русских наречий: <i>второю</i>	165
Очерки по семантике русских наречий: Из наблюдений над становлением лексико-семантических норм в синонимическом ряду наречий «тайного» действия	184
Очерки по семантике русских наречий: <i>бережно</i> , <i>осторожно</i> и др. (от Пушкина до наших дней)	204
Глагольное действие <i>sub specie adverbiorum</i> : 1. <i>Охотно, с удовольствием, с радостью</i>	239
Глагольное действие <i>sub specie adverbiorum</i> : 2. Ответные действия и языковые ответы	274

Русские наречия: функции — семантика — позиции — акцентное выделение	280
Сдвиг норм наречного словоупотребления в ближней диахронии как исследовательская база для изучения грамматической и коннотативной семантики русского слова	284
<i>Себе на уме</i>	293

Часть II

СЕМАНТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Русские личные именованя, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество»	311
Именованя, построенные по модели «имя + отчество» в русской художественной речи	366
Русские персонифицирующие именованя как региональное явление языка восточнославянского фольклора	370
Полежаев — Сопиков — Храповицкий	395
Тимофеевич или Никифорович?	407

Часть III

РАЗНОЕ

Россия — Ро(а)с(с)ея	417
Слоговая сегментация речи в функционально-семантическом аспекте	429
«Я знаю Русь, и Русь меня знает»	449

ОТ АВТОРА

Выходящая в год моего 75-летия, эта книга — своего рода подведение итогов и мой отчет лингвистическому сообществу, благожелательное внимание которого к моим работам на протяжении всей моей жизни в науке было для меня всегда вдохновляющим стимулом, «поддержкой и опорой».

Читатель встретит здесь как опубликованные ранее в различных сборниках и затерявшиеся на журнальных страницах (и потому трудно доступные сегодня) мои семантические исследования 1970 — 1990-х гг. (при подготовке к этому изданию все они были заново отредактированы, а некоторые значительно расширены и дополнены новыми материалами), так и работы последних лет, еще не видевшие света.

Впервые собранные под одной крышей, они — при всем разнообразии их тем и сюжетов и различии в масштабах разрешаемых в них проблем и вопросов — образуют, как мне представляется, некое целостное единство. Это работы диалектолога, привыкшего иметь дело с броуновым движением бесчисленного множества языковых порождений в бурлящем котле повседневной речевой деятельности, но диалектолога, прошедшего школу истории языка и понявшего, что живое движение языка — это не только величайшая загадка и тайна, но и путь к отгадке и открытию многих его загадок и тайн. Подлинный герой этой книги — динамическая синхрония, методы и приемы исследования и поле приложения которой нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании, обещающем нашей науке новые значительные и нетривиальные результаты. В этом выводе меня укрепляет и изучение языка пушкинской эпохи, с которым связаны все мои исследовательские интересы в последние годы и прежде всего работа над общим дифференциальным словарем этого языка и частными словарями его скрытых семантических категорий. Отражения ее читатели найдут на многих страницах моей книги.

Приношу искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, с которыми я обсуждал ее состав, но прежде всего — ее подлинному инициатору, большому ученому и прекрасному человеку, человеку несправедливо трудной и горькой судьбы, автору поразительного «Опыта герменевтики по-русски» (Языки славянской культуры. М., 2001) Вардану Айрапетяну, имя которого называю здесь с величайшим уважением и любовью.

Владимир
25 января 2003 г.

Часть I
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖДОСТИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

...отвергайте название, но признайте существование!

П. А. Вяземский

... На обязанности исследователя-языковеда лежит не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти все факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны...

А. М. Пешковский

Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира — «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы — они», «этот — тот», «здесь — там», «близкое — далекое» и мн. др. под. Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане — в виде оппозиции «хороший — плохой», — с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [Лотман 1969, 465 и сл.].

Учитывая, что указанный выше принцип получает широкое и многостороннее отражение в мифологии, в ритуалах и обрядах, в народном искусстве, фольклоре и литературе у разных народов [Eliade 1970], в том числе и у славян [Иванов, Топоров 1965, 156—165 и сл.] и, в частности, у русских — например, в художественном мире русского былевого эпоса и волшебной сказки [Пеньковский

1986, 127 и сл.], можно было бы выдвинуть — в виде осторожного предположения — гипотезу об отражении рассматриваемого семиотического принципа также и в языке — в его системе, категориях и механизмах, — и, исходя из этого, предпринять поиски его языковых коррелятов. Таким образом, на обсуждение предлагается гипотеза о существовании семантической категории «чуждости» («отчуждения»? «алиенации»?), которая, в силу сказанного, должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое — плохое») и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев).

Как представляется, это предположение может быть обосновано и подтверждено разнообразными и достаточно доказательными фактическими данными.

* * *

В этой связи должна быть прежде всего отмечена общая для всех славянских языков специфика семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд-*, которые, как бы повторяя первоначальный этимологический сдвиг (из гот. *hiuda* ‘народ’ → ‘чужой’ в соответствии с [Фасмер 1973 : 379]), представляют комплекс взаимосвязанных значений: ‘чужой’ → ‘чуждый’ → ‘враждебный’ → ‘плохой’. Ср., например: др.-рус. *чужий* (*щужий*) ‘чужой’, ‘чуждый’, ‘злодей’, ‘нечестивец’, ‘отвратительный»; *чужати* ‘отвергать’, *чужатися* ‘свирепствовать’ и др. под. [Срезневский 1903 : III, 1550 сл.], старорус. *чуждаться* ‘гнушаться, брезговать’. Ср. в стилизующем отражении: «— Я проводил господина за город. Тут он простился со мною и не *почуждался* обнять меня...» (И. Лажечников. Басурман).

На этой основе могут быть правильно поняты такие выстраивающиеся в единый ряд, устойчивые (фразеологизованные) словесно-понятийные комплексы, как *чужие земли* (*чужая земля*) и *чужие страны* (*чужая страна*) др.-русских памятников («Да не будет же вамъ николи же словеси... *о чюжихъ земляхъ*» — Сборник 1296 г.; «Избежавъше же ему *въ страны чюжи*, и тамо животь свои сконца» — Чтение о житии и погублении... Бориса и Глеба. [Срезневский 1903 : III, 1550] и русских народных сказок («...начали отпралятьца *в чужи земли*... Ну, поплыли оне, приплыли *в чужи земли*...» — Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938. С. 64), *чужая*

дальная (чужедальная) сторонushка русских народных плачей и народных песен и — что особенно показательно и важно — *чужие краи (чужие края)* ‘заграница’ в русском литературном языке вплоть до конца третьей четверти XIX в. Ср.: «В небольшом моем вояже я был как будто дальний путешественник... Да, правду тебе сказать, я и действительно был в *чужих краях*. Ибо не успел отъехать 27 верст от Питера, как въехал внутрь Чухны, которая меня, а я ее не понимал...» (Е. Болховитинов — В. Македонцу, 20 марта 1801); «Для *чужих краев* лучше звание юнкера» (К. Батюшков — А. И. Тургеневу, 1818); «Жерве уволен с позволением ехать в *чужие краи*» (А. И. Тургенев — И. И. Дмитриеву, 6 мая 1819); «Петербург душен для поэта. Я жажду *краев чужих*; авось полуденный воздух оживит мою душу...» (А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, 21 апреля 1820); «Прочие книги я еще не посылал, не уверен будучи, точно ли вы еще долго останетесь в *чужих краях*» (П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому, 17 февр. 1833); «Через год Чаадаев поехал в *чужие краи*...» (Д. Свербеев. Воспоминания, 1858); «В течении 22 лет пребывания в *чужих краях* он только четыре раза побывал в России» (И. С. Аксаков. Ф. И. Тютчев, III. — М., 1874) и т. п.

В этом материале (а он может быть неограниченно умножен) обращает на себя внимание последовательно проведенное использование форм множественного числа *чужие краи, в чужие краи* (в большинстве случаев с архаической флексией *-и!*), *в чужих краях, из чужих краев* (не *чужой край!*) даже там, где речь заведомо идет об одной конкретной стране (ср. в «Мемориале» И. С. Тургенева 1852—1853 гг., в записи под 1845 г.: «Отъезд в *чужие краи*. Куртавнель» или еще: «Нам очень не нравился его отъезд в *чужие краи*, в Италию» — С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем) в столь же последовательном противопоставлении формам единственного числа сочетания *свой (наш) край* (не *свои краи!*).

Понятно, что в эпоху, когда в русском обществе достаточно прочно утвердилась новая — исторически связанная с Петровскими реформами — система культурных ценностей (ср.: «*Краев чужих* неопытный любитель И *своего* всегдашний обвинитель, Я говорил: в отечестве моем Где верный ум, где гений мы найдем?» — А. С. Пушкин. «Краев чужих неопытный любитель...», 1817)¹, обусуждаемая традиционная пара, в которой лексико-семантическая оппозиция «чужое — свое»², усиленная оппозицией по числу